

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩЕЙ МАСКУЛИННОСТИ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются традиционные и современные формы проявления «мужского» в языке в рамках испаноязычной культуры. Представлен ряд словарных дефиниций существительных, прямо или косвенно номинирующих мужчину в испанском языке (*hombre, varón, macho*). Сделана попытка краткого семантического анализа данных слов в современном и историческом контексте, на основе которого были выделены некоторые черты, присущие «доминирующей маскулинности» в языковой культуре стран, где говорят на испанском языке.

Ключевые слова: испанская культура, концепт, маскулинность.

Проблема «языкового» миропонимания была впервые затронута ещё в начале XIX в. в трудах Вильгельма фон Гумбольта. В XX же веке интерес к языку прослеживается практически во всех гуманитарных дисциплинах. Несовпадение, а зачастую и просто разрыв между понятиями «смысл» и «значение» становятся проблемами многих исследований. Учёные обнаруживают, что в отличие от значения, которое связано с объёмом понятия, смысл располагается в какой-то другой плоскости содержательных характеристик предмета или высказывания о нём [1. С. 56]. У А.А. Григорьева читаем: «Естественный язык является одной из высших форм проявления культуры, но и культура своими основополагающими характеристиками располагается в сфере естественного языка, который можно назвать ядром культуры» [2. С. 64–65]. В современной лингвистике появляется возможность анализа языковой картины мира как многогранного феномена, который связывает язык с мышлением, окружающим миром, особенностями той или иной культуры, а также содержанием сложных абстрактных понятий и категорий, функционирующих в языке. Среди исследователей, занимающихся данной проблематикой, следует назвать С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Е.С. Яковлеву, М. Блэка, Д. Хаймса, Н.Д. Арутюнову, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкую, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др. Учёные сталкиваются с проблемой поиска термина, актуального для понимания процессов, происходящих в современной культуре. Таковым становится «концепт». Его «реактуализация» в XX в. была осуществлена с позиций сразу нескольких гуманитарных наук, и трактуется он неоднозначно в работах разных авторов.

По мнению психолингвистов, концепт есть не что иное, как образование ума, точка зрения субъекта, но она обращена на нечто объективно-реальное. С.А. Аскольдов пишет: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода – некоторых сторон предмета или реальных действий; разного рода чисто мыслительных функций» [3. С. 56]. В отличие от номинализма в данной теории концепт не отождествляется с индивидуальным представлением, в нём проявляется общность. Многие англоязычные авторы, вводя термин «концепт», определяют его как термин, служащий объяснению ментальных единиц или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Именно в рамках психолингвистики ещё в начале XX в. активно изучались процессы поро-

ждения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека (например, американскими психолингвистами Дж. Гринбергом, Дж. Кэрроллом, Ч. Осгудом и др.).

Современная лингвистическая наука активно использует термин «концепт» преимущественно в рамках своего нового направления, получившего название «когнитивная лингвистика». Исследования в этой области ведутся по трём основным направлениям.

Первым выделим лингвокультурологическое направление, которое представлено такими учёными, как Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.Г. Слышкин. При рассмотрении концепта исследователи уделяют большое внимание культурологическому аспекту, а вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. По мнению Ю.С. Степанова, концепты – это «сгустки национально-культурных смыслов», «ячейки культуры» [4. С. 128]. Изучение концептов помогает выявить особенности мировосприятия народа, представить концептуальную и национальную картины мира.

Представители второго направления – Н.Д. Арутюнова и её школа – постулируют семантический подход к концепту, используя преимущественно логические методы анализа концептов вне прямой зависимости от их языковой формы.

И, наконец, нельзя не упомянуть таких исследователей, как Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, использующих прежде всего лексическую и грамматическую семантику языка как средство «доступа» к содержанию концептов. По их мнению, концепт не пересекается только со значением слова, но он является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека [5].

Язык – это, таким образом, составная часть культуры и одновременно её орудие. Культура народа вербализуется в языке; именно язык, аккумулируя ключевые концепты культуры, передаёт их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира достаточно субъективна относительно реального мира, и она, безусловно, несёт в себе черты антропоцентризма.

В любой культуре присутствует своя система ценностей, определяющая, в свою очередь, концептуальную систему этой культуры, т.е. набор неких первичных, фундаментальных концептов, из которых развиваются все остальные. Вопрос об их количестве достаточно спорный. Например, А. Вежбицкая считает, что в русской культуре присутствуют только три фундаментальных концепта: «Судьба», «Тоска» и «Воля», а Ю.С. Степанов насчитал несколько десятков, среди них: «Вечность», «Любовь», «Вера», «Закон», «Слово» и др.

К базовым концептам любой культуры относятся концепты «женщина» и «мужчина». И это понятно: все общества различают мужчин и женщин, и все общества предписывают определённые роли полового поведения для взрослых мужчин и женщин. Конечно, гендерные идеалы, образы и ориентиры различаются в разных культурах, но вместе с тем под поверхностью данных различий скрывается интригующее сходство культур совершенно отличных друг от друга в прочих отношениях [6. С. 98]. Большинство антропологов и представителей других социальных наук сходятся во мнении о поразительном совпадении мужских и женских ролевых половых стандартов разных культур.

В лингвистике гендерная проблематика в последнее время стала одной из доминирующих. И хотя исследования в данном направлении ведутся достаточно давно, большинство работ посвящено исследованию концепта «женщина» и концепта, смежного с ним, «женственность». По мнению Д. Гилмора, женские роли исследовались представителями феминистского направления и их последователями достаточно плодотворно и в необходимом ракурсе, в то время как маскулинность, будучи равно насыщена интересной проблематикой, всё ещё страдает от синдрома предвзятых отношений [6. С. 36]. Наше исследование посвящено традиционным и современным формам проявления «мужского» в языке, а также определённым «константам маскулинности». В работе мы обращаемся прежде всего к испаноязычной культуре.

Гендерный подход в языкознании опирается на так называемые «гендерные стереотипы» – установки о моделях поведения и характеристиках представителей каждого пола [7. С. 119]. Они подразумевают категориальные определения («мужчина» и «женщина») и атрибутивные признаки, связанные с принадлежностью к определённому полу, такие как внешний вид, род занятий, стереотипы поведения, в том числе и языкового и т.п.

Основным компонентом гендерного стереотипа является культура, определяющая общепринятый в этнокультурном сознании «портрет» мужчины и женщины в широком смысле слова, включая ценностные и поведенческие ориентиры, традиционные представления о нормах морали и нравственности. В свою очередь, эти стереотипы, по мнению многих исследователей, находят очень интересную с лингвистической точки зрения объективацию в языке. В объект лингвистического анализа попадают как номинации, обозначающие совокупность определённых черт и свойств (мужественность, женственность), и соотносимые с ними абстрактные категории (активность, пассивность, рациональность, эмоциональность и т.д.), так и слова, обозначающие конкретные человеческие личности в связи с их полом (мужчина, женщина, муж, жена и т.д.). А. Архангельская выделяет в языке особую систему – маскулинизмы, т.е. слова, составные наименования, фразеологизмы, именующие – реально или потенциально – мужчину (мужик, мужчинка, человек мыслящий, баба, сокол, лентяй, коломенская верста, мужичок с ноготок и др.) [8. С. 76]. Мы предпримем попытку выделить подобную группу слов в испанском языке. С этой целью рассмотрим словарные дефиниции испанских существительных, представляющих собой своеобразные «входы» в концепт «мужчина».

Существительное *hombre* в испанском языке содержит в себе различные семантические оттенки и является семантическим центром многочисленной семьи слов. Изучение дефиниции этого слова в ряде словарей свидетельствует о том, что оно имеет два центральных значения: «человек» и «мужчина», каждое из которых в различных словосочетаниях имеет ряд производных значений: *hombre bueno* – миротворец, *hombre de bien* – честный, порядочный человек, *hombre de letras* – литератор, *hombre de negocios* – коммерсант, *hombre de suerte* – баловень судьбы и проч. или *todo un hombre* – настоящий мужчина, *hombre hecho* – взрослый, сложившийся человек, мужчина. Слово *hombre* определяется, кроме того, как «*ser animado racional, varón o mujer*» – «разумное существо женского или мужского пола» [11–15].

Обратимся к этимологии слова *hombre*. Поскольку данная лексическая единица анализируется прежде всего в рамках гендерного концепта, будем акцентировать внимание именно на этом аспекте этимологии. Слово *hombre*, как и большинство слов в испанском языке, происходит от латинского *homo, hominis*, что означало «*individuo de la especie humana, hombre o mujer*» – «индивид человеческого рода, мужчина или женщина», т.е. это слово использовалось как по отношению к мужчине, так и к женщине. Однако слово *hombre* имело и дополнительное значение «*soldado o esclavo*» – «солдат, раб». В средневековой Испании словоформы *hombre/omne/ome* имели в своей семантике сему «неопределённости/безличности» и конкурировали в XV в. с неопределённым местоимением *uno*, полностью сдав ему свои позиции только в середине XVI в. [9. С. 86].

Слово *hombre* в значении его современного использования появилось в испанском языке во второй половине XVI в. И предпосылкой к этому, по мнению многих исследователей, послужили некоторые новообразования в языке: например, достаточно древнее в испанском языке слово *homenaje* (современное его толкование – «клятва верности (вассала синьору), чествование, почести»), происходящее от французского *hommage* («клятвенное обещание верности»), которое, в свою очередь, восходит к провансальскому *omenatge*, образованному на основе *ome* в его значении «*soldado, vasallo*» («солдат, вассал»). В 1527 г. словарями регистрируется такое слово как *superhombre* («сверхчеловек»), калька немецкого слова *übermensch*. В языке, таким образом, постепенно формируются наращения значения слова *hombre*.

Современные словари [14, 15] дают следующие дефиниции слову *hombre*: 1) индивид человеческого рода мужского пола; 2) взрослое лицо мужского пола. Можно встретить определение слова *hombre* как «муж, возлюбленный». Причем указывается достаточно неформальное употребление этого слова по сравнению с *marido, esposo* – «муж, супруг». Подчеркивая разговорный регистр слова *hombre*, приводится пример *Es mi hombre* – «это мой мужчина, мой возлюбленный».

В большинстве словарей выделяются, таким образом, три ядерные семы в структуре слова *hombre*: 1) «человек»; 2) «мужской пол»; 3) «возраст». В данном контексте *hombre* практически совпадает по значе-

нию с английским *man*. Что касается особенностей, характеризующих использование данной семы в контексте, то нельзя не отметить апелляцию к мужественности как к высшей, главной характеристике человека-мужчины: *todo un hombre* – «настоящий мужчина»; *ser muy hombre* – «быть настоящим мужчиной»; *¡pórtate como un hombre!* – «будь мужчиной!»; *¡pórtate con hombría*. Или, наоборот: *poco hombre* – «заячья душа»; *no es un hombre* – «он не мужчина».

Дэвид Гилмор, исследуя феномен испанской мужественности, подчёркивал её несколько публичный характер: «...андалусийцы крайнего юга Испании стремятся публично доказывать свою мужественность» [6. С. 43]. Здесь, ссылаясь на испанского критика Энрике Тьерно Гальвана, он говорит об испанской «вере в мужественность», о мужественности как об определённой шкале, по которой оценивается каждый мужчина. Отсюда такие оценочные характеристики, как «настоящий мужчина» (*muy hombre*), «весьма мужественны» (*muy macho*) или «в вас много мужчины» (*mucho hombre*).

Употребление слова *hombre* часто не просто указывает на принадлежность к мужскому полу, но подчёркивает наличие определённых внешних атрибутов или особенностей поведения, качеств, которыми должен обладать нормальный взрослый мужчина. К подобным атрибутам испанцы относят в первую очередь такие понятия, как *fuerza* (сила), *valor* (смелость, храбрость, мужество), *sensatez* (благоразумность, здравомыслие, рассудительность). Вот некоторые из выражений, содержащих слово *hombre*:

1) *hombre de pelo en pecho* – «смелый, лихой, отчаянный» (дословно: *pelo en pecho* – «волосы на груди»);

2) *es ya un hombre hecho y derecho* – «он уже взрослый, сложившийся человек, обычный мужчина»;

3) *sea valiente y pórtate como un hombre* – «будь храбрым, будь мужчиной!»;

4) *los hombres no lloran* – «мужчины не плачут».

Слово *hombre* широко используется в пословицах:

1. *Hombre osado, bien afortunado*. – «Смелым счастье помогает».

2. *Hombre cobarde no conquista mujer bonita*. – «С робким сердцем красотку не завоеешь».

3. *Hombre difamado, peor que ahorcado*. – «Бесчестье хуже смерти».

Среди других номинаций мужчины испанские словари дают существительные *varón* и *macho*. Существительное *varón* определяется как «человек, принадлежащий к мужскому роду вне зависимости от возраста», т.е. используется по отношению к мужчине любого возраста. В словарях подчёркивается, что употребление *varón* гораздо уже по сравнению с *hombre* и оно используется в том случае, когда требуется подчеркнуть принадлежность к мужскому полу, противопоставляя его женскому, например, в магазине: «para varones» – «товары для мужчин». Слово *varón* используется также по отношению к мужчине в «высоком смысле»: как к человеку, мужу, обладающему какими-либо положительными качествами, или, например, в сочетании с прилагательным: *santo varón* – «добрейшей души человек». Интересно, что слово *varón* употребляется для обозначения ребёнка мужского пола, выделяя его таким образом и апеллируя к публичной мужественно-

сти: *tiene dos hijos: un varón y una hembra* – «у него двое детей: сын и дочь». Кстати, слово *hembra* имеет значение «самка» и достаточно нейтрально по сравнению с употребленным «в высоком смысле» *varón*. Образованное от существительного *varón* прилагательное *varonil* используется в основном одобрительно, называя «истинно мужское, достойное настоящего мужчины» [11].

Употребление слова *macho* весьма неоднозначно в испанской культуре. По мнению многих исследователей, имеются значительные расхождения в семантике этого слова в Испании и в странах Латинской Америки. В последнее время слова *macho* («мачо», а также его производные в русском языке «мачистский», «мачизм») стали довольно широко использоваться не только в испаноговорящих странах. Любопытно, что будучи заимствованными, в других языках они продолжают обозначать те или иные черты, присущие именно испанскому «мачизму». Попробуем выделить основные возможности употребления слова *macho* и его производных.

Л.Г. Котовская и Л.В. Шалыгина в статье «Феномен мачизма» отмечают, что долгое время слово «*macho*» самими латиноамериканцами воспринималось как слэнговое, ёмко и звучно выражающее целую гамму эмоций по отношению к настоящему мужчине [10. С. 58]. С 1732 г., когда «*macho*» определялось как «чрезмерная сила и твёрдость мужчины», это слово претерпело ряд семантических модификаций, приведших к самым различным его интерпретациям представителями испаноговорящих стран. Приведем некоторые современные дефиниции слова *macho*: 1) «животное мужского пола, самец»; 2) «мул»; 3) «невежественный мужик»; 4) прил. «сильный, жизнестойкий, активный, напористый, экспрессивный»; 5) прил. «смелый, отважный, дерзкий, решительный, упорный» [15].

К вышеназванным значениям слова *macho* можно добавить следующие: 1) прил. «имеющий характерные черты, которые традиционно рассматриваются как черты маскулинности (сила, храбрость, стойкость и т.д.)», например: *eso de torear le hace sentirse más macho, es muy macho y muy valiente* – «участие в корриде позволяет ему чувствовать себя храбрым», «он очень храбрый и смелый»; 2) «сильный, стойкий, крепкий», например: *pelo macho* – «жесткие волосы», *vino macho* – «крепкое вино»; 3) «большой и тяжёлый молоток, который использует кузнец» [16].

Словарь латиноамериканизмов, помимо указанных значений, даёт такие определения слову *macho*: 1) прил. «активный (энергичный) человек; деловой человек», например: *a macho y martillo* – «уверенно, авторитетно, убеждённо»; *parar el macho* – «осадить, поставить на место кого-либо»; 2) прил. «глупый, неумный, тупой, тупоумный» (разг.) [12].

Совершенно очевидно, что значение слова «*macho*» оказывается часто переносным, непрямым. Л.Г. Котовская, на наш взгляд, достаточно точно передает суть переносного значения слова *macho*: «Это фигура речи, обозначающая потенциальную способность к действию, имеющему в виду непереносное получение конечного результата. Называя так мужчину, латиноамериканцы обычно хотят сказать, что в нём ощущается животворящая энергия сильного самца, мощь и напор победителя, необузданные природные желания животного».

го, способного одолевать противника в борьбе за власть над стадом» [10. С. 59].

Отношение говорящего к мужчине, которого называют *macho*, варьируется в разных культурах от крайне отрицательного – «унижение, презрение» (*macho de cabrío* – «козёл, потаскун, кобель») – до крайне положительного – «уважение, восхищение мужскими качествами» (*hombre muy viril* – «настоящий мужчина, орёл, герой») [11, 14]. В связи с обилием коннотаций употребление слова *macho* зависит от того, какую жизненную позицию занимает сам говорящий, а также от того, как принято интерпретировать мачизм в его ближайшем окружении [10. С. 59]. Там, где мачизм яростно критикуется представителями феминистского движения, мужчину называют «мачо», когда хотят подчеркнуть его необразованность, грубость манер, ничем не завуалированную сексуальность. И, наоборот, там, где ещё сильны традиции патриархального образа жизни, произносят почтительно: «Он – настоящий мачо».

Итак, рассмотрев ряд лексических единиц, представляющих собой «входы» в концепт «мужчина» в испанском языке, а также производные этих лексем и различные варианты употребления, можно выделить следующие основные черты, присущие «мужскому» в культуре стран, где говорят на испанском языке. Во-

первых, в лексическом фонде испанского языка мужское начало представлено достаточно богатым синонимичным рядом номинаций мужчины (*hombre, varón, macho, caballero...*); наличием положительных коннотаций в словосочетаниях с *hombre, varón* (*hombre bueno, santo varón* и др.). Во-вторых, исторически передаваемый словами *hombre, varón, macho* образ мужественности сохранился до наших дней: наряду с различными вариантами современного словоупотребления *hombre, varón, caballero* в них частично сохранилось этимологическое (старое) значение слова, апеллирующего к тем или иным положительным мужским качествам (достоинство, честь, сила, отвага и пр.). В-третьих, слово *macho* породило термин «мачизм», с которым связаны такие мужские качества, как обострённое чувство собственного достоинства, лидерство, стремление к завоеванию уважения в глазах общества (*todo un hombre, hombre de pelo en pecho* и др.). Кроме того, можно выделить такие негативные черты испанской маскулинности как культ силы, агрессивность, отношение к женщине как к собственности, презрение к смерти, культ сексуальности мужчины, которые, несомненно, также находят своё яркое отражение в лексическом фонде испанского языка и представляют собой интересный материал для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
2. Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 64–65.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
4. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. 784 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.
6. Дэвид Д. Гилмор. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2005. 264 с.
7. Кирилина А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 147–149.
8. Архангельская А. Красавец-мужчина в чешской языковой картине мира // Когнитивные, культурологические и контрастные аспекты лингвистики. М., 2001.
9. Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). М.: КомКнига, 2007. 304 с.
10. Котовская Л.Г., Шалыгина Н.В. Феномен мачизма // Мужской сборник: Мужское в традиционном и современном обществе. М.: Лабиринт, 2004. Вып. 2. 264 с.
11. Испано-русский словарь современного употребления / Под ред. А.В. Садикова. М.: Русский язык, 1998.
12. Испано-русский словарь: Латинская Америка / Под ред. Н.М. Фирсовой. М.: Русский язык медиа, 2004.
13. Большой русско-испанский словарь / Под ред. проф. Г.Я. Туровера. М., 2004.
14. *Diccionario compacto de la lengua española*. Barcelona: Larousse Planeta, 1996.
15. *Academia Española. Diccionario de la lengua española*. Madrid, 2002.
16. ABBYY Lingvo 12. Режим доступа: www.Lingvo.ru

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 декабря 2008 г.